

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal "Steppe Panorama"
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 3135-8055.
Vol. 13. Is. 5, pp. 1299-1314, 2026
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

IRSTI / FTAXP / MPHTI 03.20
https://doi.org/10.51943/3135-8055_2026_13_5_1299-1314

«OTHER CULTS» IN THE GOLDEN HORDE (TOTEMS AMONG TURKO-MONGOL TRIBES IN THE MEDIEVAL PERIOD)

Yernar M. Ushkenov¹

¹* Research Institute "Digital Heritage of Eurasia"
(17 Zhetigen St., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: e81g@mail.ru

© Valihanov IHE, 2026
© Ushkenov Ye. M., 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the animal cult in the spiritual tradition of the Turko-Mongol nomads of Eurasia. Despite the long historical dominance of nomads and the high degree of preservation of their customs, their intangible heritage remains insufficiently highlighted. The lack of research in this area reflects not the poverty of nomadic culture, but merely the fragmentation of its contemporary study. *Aims and objectives of the study.* To systematize concepts of totemism as a key element of the spiritual world of steppe peoples. To achieve this goal, tasks are set to study the worldview and ecological potential of the nomadic civilizational order, as well as a scientific analysis of «totemism» as a historical form of human comprehension of nature. *Results.* It was established that the totemism of nomads was not merely a formal ritual cult, but a holistic system of harmonious coexistence between humans and the ecosystem. The reconstructed model of the nomadic worldview demonstrates deep integration of society into the natural environment. *Conclusion.* The archaic cult of totems and the ecological ethics of the nomadic civilizational order retain relevance for modern society. The considered worldview models can serve as a conceptual basis for forming new forms of sustainable development and restoring the balance between man and nature.

Keywords: Turks, Mongols, totem, animal cult, spiritual culture, intangible heritage, ecological ethics, nomadic civilizational order, shamanism, belief

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of targeted program financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic "AP23484987 The History of the Islamist, Turkist, and Alash Movements: A Dialogue Between Tradition and the Specifics of National Identity Formation" APN AP23484987.

For citation: Ushkenov Ye. M. «Other Cults» in the Golden Horde (Totems Among Turko-Mongol Tribes in the Medieval Period) // Asian Journal "Steppe Panorama". 2026. Vol. 13. No. 5. Pp. 1299–1314. (In Rus.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1299-1314

АЛТЫН ОРДАДАҒЫ «ӨЗГЕ КУЛЬТТЕР» (ОРТА ҒАСЫРДАҒЫ ТҮРКІ-МОҢҒОЛ ТАЙПАЛАРЫНДАҒЫ ТОТЕМДЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ МАҢЫЗЫ)

Ернар Мұратұлы Өшкенев¹

¹* «Еуразияның цифрлық мұрасы» зерттеу институты

(010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Жетіген к-сі, 17)
 тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: e81g@mail.ru

© Ш. Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
 © Өшкенов Е. М., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада Еуразия түркі-моңғол көшпелілерінің рухани дәстүріндегі жануарлар культі қарастырылады. Көшпелілердің ұзақ тарихи үстемдігіне және олардың әдет-ғұрыптарының жоғары деңгейде сақталуына қарамастан, олардың материалдық емес мұрасы әлі де жеткілікті түрде баяндалмаған. Бұл саладағы зерттеулердің тапшылығы көшпелі мәдениеттің жұтандығын емес, тек оны заманауи зерттеудің фрагменттілігін көрсетеді. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Дала халықтарының рухани әлемінің негізгі элементі ретіндегі тотемизм туралы түсініктерді жүйелеу. Қойылған мақсатқа жету үшін көшпелі өркениеттік жүйенің дүниетанымдық және экологиялық әлеуетін зерттеу, сондай-ақ адамның табиғатты ұғынуының тарихи формасы ретіндегі «тотемизмді» ғылыми тұрғыдан талдау міндеттері шешіледі. *Нәтиже.* Көшпелілердің тотемизмі тек формальды ритуалдық культ емес, адам мен экожүйенің үйлесімді қатар өмір сүруінің тұтас жүйесі болғаны анықталды. Көшпелілердің дүниетанымының қайта жаңғыртылған моделі қоғамның табиғи ортаға терең кірігуін көрсетеді. *Қорытынды.* Тотемдердің архаикалық культі мен көшпелі өркениеттік жүйенің экологиялық этикасы қазіргі қоғам үшін өзектілігін сақтайды. Қарастырылған дүниетанымдық модельдер тұрақты дамудың жаңа формаларын қалыптастыру және адам мен табиғат арасындағы тепе-теңдікті қалпына келтіру үшін тұжырымдамалық негіз бола алады. **Түйін сөздер:** түркілер, моңғолдар, тотем, жануарлар культі, рухани мәдениет, материалдық емес мұра, экологиялық этика, көшпелі өркениеттік жүйе, шаманизм, наным-сенім **Алғыс білдіру.** Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Исламизм, түрікшілдік және Алаш қозғалыстарының тарихы: дәстүр диалогы және ұлттық бірегейліктің қалыптасу ерекшеліктері» тақырыбы бойынша ЖРН АР23484987 бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы аясында дайындалды. **Дәйексөз үшін:** Өшкенов Е. М. Алтын Ордадағы «өзге культтер» (орта ғасырдағы түркі-моңғол тайпаларындағы тотемдер және олардың маңызы) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. 1299–1314 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1299-1314

«ИНЬЕ КУЛЬТЫ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ (ТОТЕМЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ У ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД)

Ернар Муратович Ужкенов¹

¹Исследовательский институт «Цифровое наследие Евразии»
 (17, ул. Жетіген, Астана, 010000, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: e81g@mail.ru

© ИИЭ имени Ч. Ч. Валиханова, 2026
 © Ужкенов Е.М., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается культ животных в духовной традиции тюрко-монгольских кочевников Евразии. Несмотря на длительное историческое доминирование кочевников и высокую степень сохранности их обычаев, их нематериальное наследие остается недостаточно освещенным. Недостаток исследований в этой области отражает не бедность кочевой культуры, а лишь фрагментарность её современного изучения. *Цели и задачи исследования.* Систематизировать представления о тотемизме как ключевом элементе духовного мира степных народов на примере медальона, обнаруженного на раскопках

городища Актобе. Для достижения поставленной цели решаются задачи по изучению мировоззренческого и экологического потенциала кочевого цивилизационного уклада, а также научного разбора «тотемизма» как исторической формы осмысления человеком природы». *Результат.* Установлено, что тотемизм номадов являлся не просто формальным ритуальным культом, а целостной системой гармоничного сосуществования человека и экосистемы. Реконструированная модель мировосприятия кочевников демонстрирует глубокую интеграцию общества в природную среду. *Заключение.* Архаичный культ тотемов и экологическая этика кочевого цивилизационного уклада сохраняют актуальность для современного общества. Рассмотренные мировоззренческие модели могут послужить концептуальной основой для формирования новых форм устойчивого развития и восстановления баланса между человеком и природой.

Ключевые слова: тюрки, монголы, тотем, культ животных, духовная культура, нематериальное наследие, экологическая этика, кочевой цивилизационный уклад, шаманизм, верование

Благодарность. Статья подготовлена в рамках ПЦФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «История движения исламизма, тюркизма и Алаш: диалог традиции и особенности формирования национальной идентичности» ИРН AP23484987.

Для цитирования: Ужкенов Е.М. «Иные культы» в Золотой Орде (тотемы и их значение у тюркско-монгольских племен в средневековый период) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2026. Т. 13. № 5. С. 1299–1314. (На Рус.). DOI: 10.51943/3135-8055_2026_13_5_1299-1314

Введение

Победа современного человека над окружающей средой долгое время приводила к доминированию идей прогресса над самой сутью гуманитарного знания, где технический прорыв превалировал над культурной парадигмой. Долгое господство атеистических воззрений в условиях сугубо научного подхода само по себе служило объективным препятствием для дальнейшего полноценного развития обществ – наследников кочевого строя. Изучение тотемов у кочевников необходимо по ряду причин, охватывающих сферы антропологии, истории, культурологии и социологии. Тотемизм являлся одной из древнейших форм религии и мировоззрения. Изучение тотемов позволяет проникнуть в духовный мир кочевых народов, понять их представления о природе, человеке, роде и вселенной. Тотемы играли ключевую роль в формировании первобытного общества. Они служили символами и эмблемами для социальных групп (кланов, родов), определяли родственные связи и обязанности внутри коллектива, а также способствовали интеграции и сплочению группы. Тотемистические верования включали систему запретов (табу), которые регулировали поведение людей и поддерживали социальный порядок. Изучение этих правил помогает понять нормы и ценности, лежавшие в основе кочевого общества. Пережитки тотемизма сохраняются в традициях, обрядах и быту многих современных народов, в том числе в Центральной Азии. Изучение тотемов помогает отследить историческую преемственность культуры и понять, как формировался культурный стержень нации или этноса. Тотемические образы (часто зооморфные, связанные с животными, имевшими особое значение для выживания кочевников) широко представлены в устном эпосе, письменных источниках, декоративном искусстве, археологических находках. Изучение тотемов помогает расшифровать эту символику и понять ее первоначальный смысл.

Материалы и методы

За основу данного исследования легли результаты археологических работ Средневожской экспедиции Института археологии АН СССР (1975 г.), Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в Гурьевской области (1979 г.). Эти раскопки важны с точки зрения сохранности археологических данных, так как уже после начала строительства разного назначения в районе городища Актобе археологический комплекс начал стремительно

разрушаться. Само городище примечательно тем, что длительное время находилось под водой, что способствовало сохранению в целостности материальных предметов.

При изучении истории кочевых тюрко-монгольских народов необходимо учитывать специфику их формирования, особенностей быта и ведения хозяйства. Одним из ключевых моментов понимания истории кочевого строя является взаимозависимость человека и природы в условиях кочевого строя. Животные как яркое выражение природы всегда либо противопоставлялись человеку, либо выступали как его союзники. Это противоречие и легло в основу формирования их культов и нашло соответствие не только в памятниках материальной культуры, но и письменного наследия, а также в мифологии народов, обитавших в Великой Степи. Именно поэтому применение сравнительно-исторического метода является основой настоящего исследования, поскольку позволяет провести сопоставление тотемических систем тюрко-монгольских народов с системами других народов Евразии для выявления общих корней и различий. Междисциплинарный подход позволяет изучать тотемные культы на основе сопоставления письменных источников с археологическими материалами, включая памятники, некрополи и отдельные захоронения. Он также дает возможность исследовать влияние тотемизма на материальную культуру, например, на орнаменты, утварь, одежду. Столь объемное исследование, объединенное общей целью, во многом наиболее полноценно позволяет реконструировать представления кочевников об окружающей среде.

Кроме того, следует учитывать данные, полученные также из материалов этнографических экспедиций, проведенных в разное время, поскольку отдельные элементы быта и мифов во многом отражают представления разных народов о мифах, религиях и сказках общего кочевого наследия.

Обсуждение

Изучение тотемов имеет богатейшую историю, поскольку, несмотря на появление ряда унитарных религий, включение тотемов в историю отдельных народов неразрывно связано с их мифологией, фольклором и символизмом животных, включая и их связь с хозяйством. Исследования сосредоточены на различных аспектах: от священных животных, таких как верблюд, лошадь, бык, овца и коза у бурят, до символов силы и мудрости, таких как волк в казахской культуре, чья модель охоты активно использовалась в организации облавы.

Другим направлением исследований является изучение тотемов как части общей системы верований и суеверий кочевников. Тотемы выступают и в качестве объектов идентификации родовой или племенной принадлежности. Тотемная система могла влиять на социальное устройство, родственные связи и иерархию внутри племен.

Особый пласт для дискуссии представляют сакральные представления и ритуальные практики тюркских и монгольских народов, в которых ключевую роль играет образ собаки. Данные фольклора и этнографии (Радлов, 1870; Бутанаев, 1996) подтверждают дуалистическое происхождение этого животного как проводника, защитника и тотемного предка. В алтайском шаманизме собака выступает важным медиатором между мирами (Потапов, 1991), что находит прямое продолжение в фольклорных сюжетах калмыков и тувинцев (Бурыкин и др., 2019). В традиционном мировоззрении бурят и других монгольских народов образ собаки тесно связан с концептами верности, охраны освоенного пространства (Бадмаев, 2023), а также с институтом сакральных клятв (Миягашева, 2020).

Одним из опорных артефактов для понимания духовной культуры средневековья является медальон, выявленный на городище Актобе, и в целом археологические и нумизматические источники золотоордынского периода дают важные ориентиры для интерпретации материальной культуры региона. В частности, материалы средневекового городища Актобе (Галкин, 1976; Кораблев, 2023) отражают сложную динамику городского развития и характер взаимодействия номадизма с урбанизацией в Улусе Джучи (История татар, 2009). Сюжетно-символический ряд материальных находок перекликается с образцами нумизматики регионов Золотой Орды, где встречается специфическая зооморфная и солярная символика (Петров, Бугарчев, 2016).

В свою очередь, памятники Мангыстау и Устюрта свидетельствуют о непрерывности мемориально-культовых традиций на степных территориях (Ажигали, 2014), а этнографические наблюдения начала XX в. фиксируют особенности быта и мировосприятия местных кочевых групп (Карутц, 2023).

Результаты

Средневековье всегда представлялось как нечто, с одной стороны, темное, а с другой – невероятно красивое и полное романтики, однако как одно, так и другое представление имеют под собой чисто городской фундамент. Вообще город сам по себе является основой для европейского средневековья, а вслед за европейскими историками подобное отношение мигрировало и на страницы исследований наших ученых, как, впрочем, и у всего восточного (азиатского) научного сообщества. Бывшие крепости и столицы, древние города на сегодня представляют собой места оживленного туризма. Сохранившиеся здания, оборонительные сооружения являются яркими примерами достижений людей Средневековья и вызывают чувство законной гордости у населения той или иной страны. Гораздо сложнее обстоят дела у населения степного экорегиона, раскинувшегося от Маньчжурии до Венгрии. Материальная культура кочевников, по мнению многих ученых, должна была воплощать только предметы, присущие сугубо кочевому строю, предметы же, не относящиеся к ней, были причислены к заимствованиям. То самое представление о кочевом строю как непрерывно движущихся стадах и людях, максимально ориентированных на мобильный образ жизни, сформировалось в глубокой древности и продолжает господствовать, по крайней мере, в массовой культуре и сегодня. Полное господство кочевого хозяйства в степях означало отсутствие денежных эквивалентов и, как следствие, господства натурального обмена. Как правило, это приводило к нивелированию роли местной аристократии, а вся торговля ограничивалась местами ставок кочевых правителей. Именно это представление, привычное для европейской истории вопроса появления городов, которые возникали либо на пересечении торговых путей, либо около замков феодалов и т. д., долгое время господствовало и в нашей исторической науке.

Начавшийся процесс переосмысления нашего исторического прошлого на основании новых материалов и источников, вследствие открытия зарубежных архивов и археологических изысканий, помог восстановить многие ранее неизвестные аспекты истории кочевых народов. На сегодня уже можно говорить, что кочевники имели вполне развитое комплексное хозяйство, помогавшее им пережить различные природные или политические кризисы, когда основное хозяйство, животноводство на время приходило в упадок. При этом оторванность кочевого населения от оседло-земледельческой культуры была воздвигнута в абсолюте, что совершенно не вяжется с данными источников. Безусловно, различные условия проживания и специфика хозяйства между кочевниками и оседлыми жителями накладывали определенную разницу в менталитете. Недаром жители степей считались воинами по своей природе. Однако следует учитывать, что отдельные оседлые анклавы в, казалось бы, кочевой прерии, были известны с глубокой древности. Еще с сакского периода известны многочисленные поселения, жители которых снабжали своих кочевых сородичей продуктами земледельческой культуры. Дополнительным свидетельством наличия оседлых традиций в кочевой зоне является высокий уровень металлургии, условием развития и функционирования которой непременно должно было быть наличие неких стационарных центров. Зависимость древних металлургов от наличия руды не позволяла им поддерживать мобильный образ жизни своих сородичей.

Эти сведения являются необходимыми для понимания исторических процессов, происходивших на территории Золотой Орды в начале ее образования. По сути, монгольская власть прекрасно понимала значение городов для дальнейшего развития государства и почти всегда отстраивала ранее разрушенные ее воинами города. Отсюда наблюдаются попытки отдельных исследователей найти материальные следы предгородов. Учитывая столичный статус Нижнего Поволжья еще со времен Хазарского каганата и недавние открытия археологов, обнаруживших на золотоордынских городищах следы хазарской культуры, вполне возможно предположить, что первые монгольские властители могли просто следовать

уже сложившимся традициям. Следует отметить предположение известнейшего советского археолога А. Маргулана о существовании на месте Сарайчика раннего кыпчакского поселения либо хорезмской торговой колонии. Такие древние торговые связи так или иначе должны были укрепиться, а в золотоордынский период и усилиться. Богатый торговый ряд предметов составлял отнюдь не главное богатство Великого Шелкового пути, а лишь служил основой для обмена мыслями, идеями и культурным менталитетом. Иногда эти предметы культа ложились на местную основу и продолжали существовать уже в местной среде, воспринимаясь через несколько поколений уже как что-то свое, родное. Подобное не раз наблюдалось в истории, вспомнить хотя бы историю пельменей как блюда, изначально китайского, уже сегодня воспринимаемого как вполне коренного для различных народов Сибири, Центральной Азии и отчасти Европы.

Здесь следует и вспомнить историю покорения европейскими колонизаторами Северной Америки, когда прибывшие лошади стали использоваться местными народами настолько, что современный кинематограф сегодня настолько ассоциирует индейцев с лошадьми, что практически любой вестерн рисует картину массового разведения лошадей коренными индейцами. Антропологи показывают картину восприятия индейцами лошадей как своих, коренных животных, настолько почетных, что они даже вошли в духовную культуру. Так, индейские тотемы лошадей символизируют свободу, личную силу, выносливость и верность. Лошадь (названная индейцами «даром грома») считается духовным проводником, помогающим преодолевать препятствия и идти своим путем. Тотем лошади часто дает мудрость, способность к передвижению и сексуальную энергию. Ее практическая значимость была в использовании в быту и военном деле. Применялись специальные символы на шкуре, например, круги вокруг глаз для улучшения зрения животного. Таким образом, неизвестное ранее животное очень быстро и прочно вошло в пантеон, казалось бы, уже давно освященных животных всего через пару поколений.

Могло ли подобное произойти ранее, в средневековой Евразии? Сам по себе вопрос носит не только теоретический характер, поскольку и сегодня многие народы, находясь на стадии постепенного переосмысления своей истории, заявляют свои права на отдельные элементы материальной либо духовной культуры, что добавляет актуальности подобным исследованиям. Для развернутого ответа следует учесть, что индейцы находились во многом на стадии родовой общины, что вполне соответствует ряду кочевых племен. Кроме того, родовая община как правило подразумевает наличие духов-охранителей, в том числе и из мира животных, характерных для той местности или уклада жизни.

Тотемизм являлся одной из древнейших форм религии и мировоззрения. Изучение тотемов позволяет проникнуть в духовный мир кочевых народов, понять их представления о природе, человеке, роде и вселенной. На сегодня такие термины, как шаманизм и тотемы, почему-то в отечественной истории воспринимаются как пережитки прежних идеологических установок, хотя в той же мировой исторической науке представления о животных-охранителях до сих пор рассматриваются как определенный уровень развития человеческой культуры, а отдельные народы и сегодня сохраняют представления о защите животными-прародителями.

Здесь необходимо отметить, что животные выступали в разных ипостасях. Чаще всего почитались животные, которые входили в класс хищников. Их верховенство в иерархии животного мира делало их воплощением силы и могущества, и часто титулатура верховных правителей включала в себя название тотемов именно хищников. В определенной мере почитались животные, принадлежавшие к ведению хозяйственного уклада кочевников.

Существовал и еще один вид тотемов – фантастических животных, олицетворяющих следствие прямого вмешательства неких потусторонних сил. Однако, как правило, эти тотемы почти всегда имели прямую ассоциацию с теми животными, которые были уже хорошо известны, как, например, прототипом Самрук был скорее всего беркут, а легендарным мифическим лошадям Тулпар прототипами стали быстрые скакуны. Существование тотемов, как правило, становится известным благодаря письменным свидетельствам современников тех лет, сохранным обрядам и традициями, а также сохранившейся лексике в языке. Очень

редко и благодаря случайно сохранившимся материальным памятникам в виде деревянных идолов или древних изображений. Крайне редки те случаи, когда материальные артефакты дошли до наших времен почти в первозданном виде. Одним из таких артефактов может служить находка на археологических раскопках золотоордынского городища Актобе, чьи развалины находятся в городской черте современного областного центра – Атырау (АИА РАН. Р-1. 7113: 1–2; Р-1. 5668). Оно представляет собой необычное изделие – осколок стеклянного медальона с изображением главной птицы с головой собаки, которую в легендах называют Самрук. Найденная Л. Л. Галкиным реликвия была отлита из стекла темно-чернильного цвета с изображением главной птицы с головой собаки, расправившей крылья на дереве. Впервые данная находка была введена в научный оборот в исследованиях Л. Л. Галкина (Галкин, 1976). Тело фантастической птицы с острыми ушами, закрытым ртом, открытыми глазами было покрыто перьями. А дерево, на котором она сидит, является плодородным. Медальон треугольный, толщина пластины 4 мм, высота – 45 мм, ширина – 25 мм (Галкин, 1976: 252). У отечественного медальона есть и аналог. Такой же осколок стеклянного медальона был обнаружен и в поселении Длинное, расположенном вдоль реки Северный Донец, впадающей в среднее течение реки Дон. Был сделан вывод, что оба медальона были изготовлены в городе Актобе-Лаэти. Оба города относятся к эпохе Золотой Орды, а сам медальон мог быть распространен по караванным путям.

Рис.1 Реконструкция найденного медальона на городище Актобе (выполнено краеведом А. А. Кораблевым на основе сохранившихся рисунков)

(Fig. 1. Reconstruction of the found medallion at the Aktobe settlement site (carried out by local historian A. A. Korablev based on the surviving drawings))

Медальон с изображением фантастической птицы с головой собаки представляет собой интереснейший объект для исследования культурных процессов, которые складывались на всем протяжении Великого Шелкового пути. Настолько редкое изображение ставит перед нами ряд вопросов, первым из которых является распространение культа собаки среди кочевых племен Золотой Орды. Хорошо известно, что собака играла одну из самых главных защитников, в том числе, и от невидимых опасностей у монгольских народов, где собака

однозначно положительный герой (Бадмаев, 2023: 33) и, более того, может нести в себе способность к перевоплощению (Бадмаев, 2023: 34). Собака считалась благословенной духами и богами (Миягашева, 2020). Особое отношение к собакам есть и у калмыков (Алексей и др., 2019). В целом, можно отметить, что у монгольских народов собака играла гораздо большее значение, чем у тюрков. В первую очередь это было связано с тем, что тюрки в основной своей массе достаточно быстро перешли в ислам, усвоив, таким образом, и отношение к собакам как к «нечистому» животному, но сохранив их значимость в быту и в эпосе. Несмотря на низкий статус собаки в тюркской культуре, именно ней есть подсказка для отгадки истории появления медальона с городища Актобе. Среди птиц, имеющих фантастическое происхождение, особое место занимает Кумай. Ее реальный прототип, гималайский гриф, обитающий в Казахстане, в мифологии ассоциируется с птицей счастья Хумай (Хумо), способной приносить тенью царскую власть, а в легендах — опекающей щенков борзой тазы. Чаще всего в иранской и тюркской мифологической среде она олицетворяет счастье и удачу. Согласно легенде, если на человека падет тень этой птицы, он может стать царем. Ее имя довольно часто ассоциируют с именем божества Умай, традиционной покровительницы женщин, матерей и земли. Согласно сказкам, Кумай откладывает 12 яиц, которые съедает змея, а она плачет, вызывая тем самым дождь. Связь же ее с собакой раскрывается в преданиях тем, что из яиц потом вылупляются необычайно быстрые щенки кумай-тазы. По легендам, тот счастливчик, который первым найдет этого щенка в гнезде, обретает лучшего помощника, способного в одиночку одолеть волка. Высокая значимость Кумай и ее щенков подчеркивается и тем, что они входят в число священных сокровищ кочевника. Возможно ли, что этот медальон отразил эту древнюю легенду? В первую очередь, при изучении исследователи должны опираться на регион обнаружения, где вышеупомянутые медальоны были найдены в одном и том же историко-культурном пространстве, а именно на территории Золотой Орды. Хронологически эти находки также совпадают, а место произведения медальона/медальонов автор находки локализует на городище Актобе.

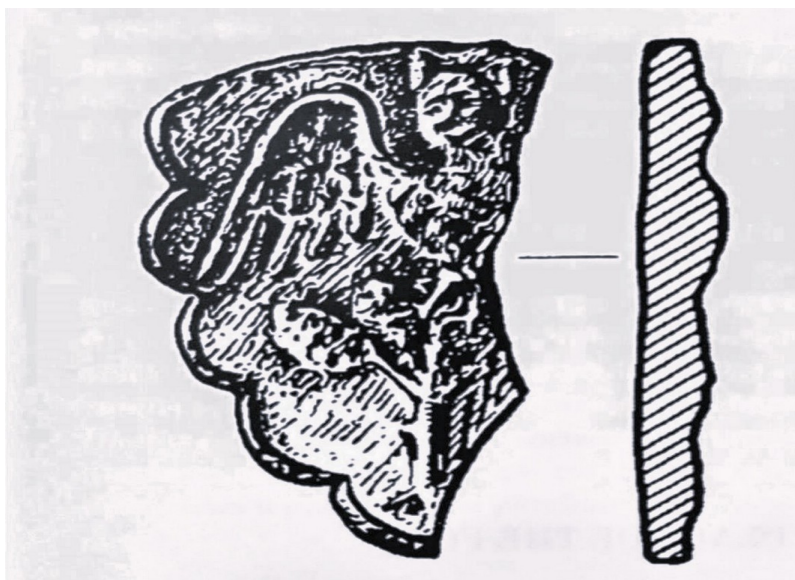

Рис. 2 Графика «Схема стеклянного медальона с поселения Ак-Тобе». XIV в. Городища Актобе-Лаэти, Казахстан

(Fig. 2. Graph “Diagram of a glass medallion from the Ak-Tobe settlement.” 14th century. Aktobe-Laeti settlement, Kazakhstan.)

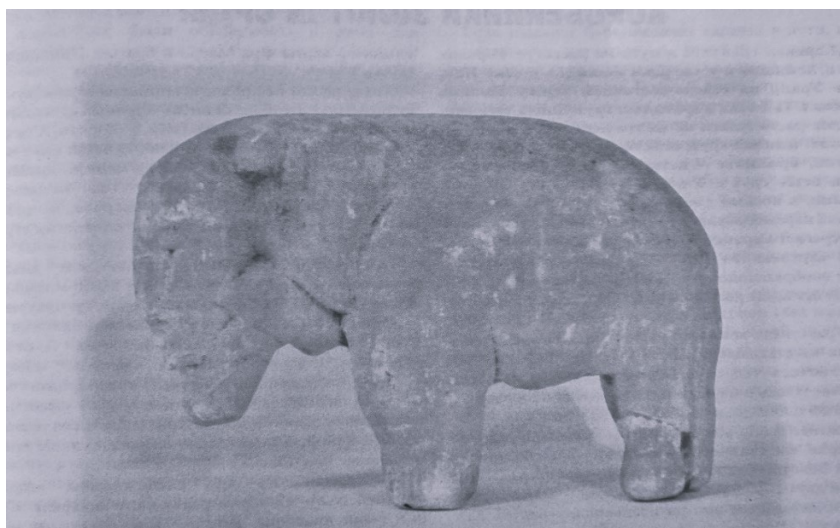

Рис. 3 Фото «Изделие из гипса в виде слоненка». Городища Актобе-Лаэти, Казахстан
(Fig. 3. Photo “A gypsum product in the shape of an elephant cub.” The Aktobe-Laeti settlement, Kazakhstan)

Данный медальон мог служить своего рода защитой от мира злых духов, а изображение относилось не столько к мифологии, сколько являлось отражением животных из мира защитников, то есть отражением тотемов.

На международной научной конференции, которая прошла в Институте Истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова на тему «Взаимодействие урбанизации и кочевничества в Золотой Орде и его историко-культурное значение», прозвучал доклад председателя ОО «Русское этнокультурное объединение «Былина» Атырауской области А. А. Кораблева. В своей речи он подробно изложил степень и важность находок на территории городища Актобе. Он связал уникальные находки с определением этнического состава населения местности. «К загадкам Актобе-Лаэти можно отнести гипсового слоненка, найденного в 2000-х гг. Животное абсолютно нетипичное для степей Казахстана, могли завезти купцы из Индии, либо изготовить мастер, который бывал в тех местах, где слоны водятся. Материал изготовления – гипс, очень распространён в нашей местности и редкостью не является. Находка может говорить о том, кто мог населять древний город. Частично пролить свет на этнический состав жителей городища могли бы знаки, которые оставляли ремесленники на своих изделиях» (Кораблев, 2023: 50).

В силу консервативности самого кочевого строя тотемы надолго оставались без изменения, а у большинства кочевых народов знание или почитание «своего тотема» оставалось вплоть до начала процесса седентаризации. В большинстве случаев, в качестве почитания выступало несколько животных, в том числе и мифологических, что было связано с их обожествлением, или же они были заимствованы у соседних народов. Здесь необходимо отметить, что животные выступали в разных ипостасях. Чаще всего почитались животные, которые входили в класс хищников. Их верховенство в иерархии животного мира делало их воплощением силы и могущества, и часто титулатура верховных правителей включала в себя название тотемов именно хищников. В определенной мере почитались животные, принадлежавшие к ведению хозяйственного уклада кочевников. Так, верблюд выступал символом физической силы и спокойной мощи, однако в силу особенностей их созревания, существовал и специальный термин – бура (бора). Лошадь, выращенная специально для ведения боевых действий, во многих эпосах составляла один из специальных компонентов батыра, его верного друга и соратника, зачастую наравне с героем участвующего в битве с врагами. Интересно и то, что, в отличие от друзей главного героя, боевой конь никогда не представлялся в качестве негативного персонажа. Если даже друг зачастую в силу

обстоятельств и характера мог не оказать помощь главному герою, то боевой конь всегда был в строю.

Баран, как общеизвестно, составлял практически повседневную еду кочевников. Несмотря на все свое значение, баран, как правило, был только жертвенным животным и практически никак не был представлен в народных эпосах и сказках. Однако на территории Западного Казахстана в культово-погребальном зодчестве местных казахов встречаются памятники, олицетворявшие барана, и зачастую надгробия стилизованы под их характерную внешность. Известный историк С. И. Ажигали предполагает, что эта традиция была заимствована у соседей, а позже уже возродилась у местных казахов, как элемент декорации культово-погребальных сооружений (Ажигали, 2014).

Иначе представлены хищники, многочисленные упоминания о которых широко отражены в титулатуре элиты, а также в эпосах и сказаниях. Главную роль занимает волк, поскольку, будучи степным хищником, был издавна знаком кочевникам как главный враг человека и его богатств в виде скота. Волк настолько прочно стал составной частью кочевой культуры, что был выдвинут на роль прародителя тюрков. Это хорошо знакомая легенда отражена и у других народов, что не может не говорить о четкой и точной взаимосвязи всего кочевого массива евразийского континента. Культ волка занимает центральное место в мифологии и тотемизме как у тюркских, так и у монгольских народов, символизируя их силу, свободу и воинский дух. Для обеих групп волк является священным прародителем и проводником, посланным Небом (Тенгри). Согласно одной из главных легенд, прародительницей тюрков была волчица по имени Асена (или Ашина). Она спасла осиротевшего мальчика, последнего выжившего из своего рода, который затем стал отцом десяти мальчиков, дав начало роду Ашина, правящей династии древних тюрков.

Эта легенда подчеркивает тему спасения, возрождения из пепла и божественного покровительства. Синий волк (Кёк-бори) был одним из важнейших символов для тюркских народов. Синий цвет указывает на небесное происхождение волка, посланного верховным божеством Тенгри. Сам волк был еще и символом власти и войны, а изображение волчьей головы украшало знамёна и штандарты тюркских правителей, подчеркивая их боевой дух и непобедимость. В шаманской практике отдельные элементы волка активно использовались в качестве защиты и удачи, где, например, зубы и когти волка служили мощными амулетами, защищающими от злых сил. Иногда волчьи головы выставляли перед стойбищами для защиты скота.

В мифологии волк мог указывать тюркам путь, прокладывая маршруты для переселений или военных походов. Согласно некоторым верованиям, волк может принимать облик мудрого старца или святого, чтобы направлять народ в трудные времена.

Тотем волка у монгольских народов не носил принципиального отличия. Так, в легенде о прародителе Бортэ-Чино, согласно «Сокровенному сказанию монголов», легендарным предком всех монголов был сивый волк по имени Бортэ-Чино («Бортэ» — сивый, «Чино»/«Шоно» — волк), который родился по воле Небес. Его супругой была прекрасная лань Гоа-Марал. Их союз символизирует гармонию между небом (волк) и землёй (лань). Увидеть волка в степи считается хорошим предзнаменованием, приносящим удачу и жизненную энергию («хийморь»). Монголы верили, что волки являются животными неба и молятся Тенгри своим воем. Кроме того, волки считаются посланниками небес и носителями духа предков. В некоторых традициях существовал обычай оставлять тела умерших волкам, чтобы их души могли подняться на небо. Однако, несмотря на сакральное значение, волки также воспринимаются как враги, нападающие на скот. Это противоречивое отношение отражает сложность взаимодействия человека с дикой природой.

Для обеих культур, как тюркской, так и монгольской, волк является сакральным прародителем, что отражено в мифах о происхождении. В обеих культурах образ волка тесно связан с небом, которое у тюрков и монголов обозначается синим цветом («кёк-бори», «Бортэ-Чино»). Также в обеих культурах можно наблюдать разделение между сакральным и повседневным, где существует двойственное отношение: уважение к волку как к

божественному предку и, в то же время, восприятие его как врага для скота. Наличие волка на знаменах древних тюрков, а также постоянное сравнение тюрков с волками подчеркивается и китайскими источниками. Это родство не могло быть случайным, и, как можно предположить, именно волк был центральным персонажем тюркской идеологии. Волчица, ставшая известной прародительницей тюркского народа, также подчеркивает сакральный характер волка, и эта легенда роднит гуннов с тюрками, подчеркивая тем самым родство культур. Этот факт вовсе не означает наличие прямой родственной связи, а скорее отображает некое единое центральноазиатское родство. Волк не только был олицетворением силы и мощи, многие источники подчеркивают прямое заимствование кочевниками повадок волка, использование его тактики.

Вечным противником против мощи волка была мобильность, олицетворением которой являлся конь, неразлучный спутник тюркского воина и центральный элемент кочевой военной культуры. В надписях упоминаются конные походы, военная доблесть и мастерство наездников. В произведениях древних тюрков конь утверждал героическую концепцию человека. Каменный конь на могилах символизировал героизм и доблесть своего владельца, ушедшего в иной мир. Обычай погребения с конём широко практиковался у древних тюрков. В надписи Кюль-тегина, в которой говорится о его последнем пути, конь является его спутником в загробный мир. Кроме того, конь зачастую был и проводником в другой мир, и мог представлять собой жертвенную фигуру: при захоронении кагана и его приближенных коня могли убивать и хоронить вместе с хозяином или ставить на могиле его чучело (балбалы), чтобы он мог сопровождать душу воина. Таким образом, из всех видов домашнего скота только лошадь была наделена чудесными свойствами в сказках и мифах. Ее сакрализация была результатом не только ее роли в кочевом хозяйстве, но и, по-видимому, именно приручение лошади сделало возможным само существование кочевого хозяйства.

Почитание лошади хорошо прослеживается по результатам археологических изысканий, когда древнейшие кочевники наделили лошадь статусом жертвенного животного, причем в эпоху бронзового века именно останки лошадей составляли значительную долю погребальных комплексов. Волшебный конь вообще присутствовал практически во всех эпосах, где его волшебные качества также сравнивались с другими представителями животного мира: «быстрее птицы», «копыта бесшумнее мыши/тигра» и т. д.

Не менее важным и могущественным тотемом был, конечно, главный хищник центральноазиатских гор – снежный барс (ирбис). Прямые упоминания о барсе в сохранившихся Орхоно-Енисейских надписях встречаются значительно реже, чем о волке. Однако это не означает, что барс не имел значения для древних тюрков. Скорее, его символика могла быть более локализованной или менее часто встречающейся в официальных текстах. Барс или иначе ирбис, является грациозным, но свирепым хищником, что ассоциируется с силой и воинской доблестью. В некоторых тюркских и монгольских традициях барс считается представителем высших небесных сил на Земле, а также тотемным предком и хранителем рода. Изображения барса, наряду с другими животными, часто встречаются в произведениях искусства так называемого «звериного стиля», который был широко распространён у кочевых народов Центральной Азии. Крылатый снежный барс также встречается в наскальных рисунках древних людей, живших в районе Алтае-Саянской горной системы. В эпосе «Манас» родовая кыргызская знать Беги вела свою родословную от мифических предков барсов, что свидетельствует о его значимости как тотема. Важно отметить, что роль барса в древнетюркской письменной культуре, вероятно, была не менее значима, чем волка, особенно в контексте изобразительного искусства и мифологических представлений. С течением времени барс утвердился как национальный символ у многих тюркских народов, олицетворяя такие качества, как мощь, благородство и величие.

Помимо этих, несомненно, важных фигур в мифологическом восприятии мира кочевниками, шаманы (кам'ы) использовали образы и части других животных (медведя, оленя, птиц) как духов-помощников в своих ритуалах. Эти животные помогали шаману перемещаться между мирами. Главный из них – медведь – во многом отражал символ духа

леса. Орёл/Беркут считался символом бога Ульгена, отражая его мощь и силу, а культ оленя в древнетюркской мифологии служил посредником между миром богов и людей. Он провожал души умерших в загробный мир Учмаг (аналог рая).

Помимо естественных спутников древних кочевников, поистине центральное место в мировоззрении тюрко-монгольских кочевников занимали и мифологические животные, например дракон или птица Умай. Дракон, столь хорошо знакомый читателю по многочисленным источникам, был самым грозным среди всех существ, от воли которого зачастую зависели судьбы народов. Так, например в китайской мифологии дракон зачастую нес ответственность за наводнения и землетрясения, символизируя тем самым силу природной стихии. Есть мнения, что сам облик дракона пришел в китайскую культуру извне, где движения, миграции или военное построение кочевников напоминали крестьянам извивания большой змеи/дракона. На памятниках в комплексе Кюль-тегина и Бильге-кагана встречаются изображения витого дракона и горного козла, которые были эмблемой тюркских каганов. Дракон был изображен и на престоле казахских ханов, о чем упоминают персидские источники, что не только говорит о долголетию символа дракона у кочевников, но и о прямом наследовании тюрко-монгольскими кочевниками элементов некоторых традиций и символов. Змей-дракон встречается в искусстве Золотой Орды. Одним из примеров его изображения являются поясные накладки XIII — начала XIV века (История татар, 2009: 192–193). Монголы, открыв путь мировому глобализму, способствовали распространению образа дракона в постордынских государствах. Серебряные монеты в виде змеи или дракона были у Булгарского монетного двора при хане Менгу Темуре. Также кратковременно при Тохты в 1290-х гг. (Петров, Бугарчев, 2016: 157).

Самым известным мифологическим существом в тюркской мифологии была птица Умай, столь часто упоминаемая в источниках. Упоминания богини Умай (и ассоциируемой с ней птицы Хумай) встречаются в различных древних и средневековых источниках, преимущественно тюркского происхождения. Одним из главных источников являются Орхоно-Енисейские надписи (VII–VIII вв. н. э.). Имя богини Умай встречается в текстах на каменных стелах, в частности, в надписи в честь Куль-тегина. В эпитафии есть фраза, которая интерпретируется как: *«Жена кагана, [рожденная] благодаря Умай, стала матерью...»* или нечто подобное, что подчеркивает ее роль в даровании детей и покровительстве правящей семье. В этом ключевом памятнике древнетюркской письменности имя Умай упоминается как «богиня-покровительница». Академик В. В. Радлов перевел это слово именно так, подтверждая ее высокий статус в пантеоне древних тюрков (Радлов, 1870). Текст надписи содержит фразу, которая в переводе звучит примерно, как: *«Благодаря богине Умай, мой отец-каган достиг величия»*.

Умай неоднократно упоминается и в другом, не менее известном источнике «Диван лугат ат-турк» (Словарь тюркских наречий) Махмуда Кашгари (XI в.). В этом фундаментальном труде, являющемся ценнейшим источником по тюркской культуре и языку того времени, Кашгари упоминает Умай. Он описывает ее как божество, связанное с женским началом и материнством. Также в словаре могут встречаться упоминания, связанные с птицей Хумай (Хумо), которая считалась символом удачи и царской власти.

Умай встречается и в различных эпосах и преданиях, например, в «Огуз-наме». В эпических сказаниях о легендарном прародителе тюрков Огуз-хане также присутствуют мифологические мотивы, связанные с небесными покровителями. Хотя прямые и явные упоминания «птицы Умай» как конкретного персонажа могут варьироваться в разных версиях, общая мифологическая основа и верования в небесных покровителей там отражены.

В этих источниках Умай предстает как могущественное и доброе божество, тесно связанное с небесной сферой и защитой людей, особенно детей, что подтверждает ее центральное место в древнетюркском пантеоне. Образ птицы Хумай (Һомай кош), символа счастья и покровительницы, широко представлен в тюркском и башкирском народном эпосе, в частности, в таких произведениях, как «Урал-батыр» и «Акбузат». В этих эпосах Хумай может выступать как дева-птица, которая дарит героям волшебных коней и мечи, или как

прародительница лебедей. Многочисленные этнографические исследования, особенно касающиеся народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, тувинцев) и других тюркских групп, собранные такими учеными, как Л. П. Потапов и В. Я. Бутанаев, содержат детальные описания обрядов и верований, связанных с Умай-эне (Матерью Умай). В этих записях она предстает как активное божество, помогающее при родах, защищающее колыбели младенцев и связанное с образом водоплавающей птицы (утки или лебедя).

Помимо основных видов тотемов, которые служили олицетворением того или иного природного характера, важным культом, объединяющим некоторые функции других тотемов, были и змеи. Олицетворения драконов, их более «земная» ипостась, змеи находили свое применение и в практических сферах, как, например, в медицине. Известно, что уже ряд кочевых народов Великой Степи использовали змею в медицинских целях. Казахи змей варили и ели или прикладывали их к ранам (Карутц, 2023: 141).

Таким образом, образы животных в древнетюркских письменных надписях были не просто описательными элементами, а носителями глубокого символического смысла, связанного с военной доблестью, ритуальными практиками, мифологическим мировоззрением и представлениями о загробном мире.

Значение тотемов у кочевников тюрко-монгольского кочевого ареала подчеркивается и в сказках. В тюркских сказках и фольклоре тотемы играют ключевую роль, выступая в качестве предков, покровителей и мистических проводников. Образы тотемных животных глубоко укоренились в мифологическом сознании и передаются через устные предания, легенды и сказки из поколения в поколение. Самым распространенным и значимым тотемом, конечно же, являлся волк. В многочисленных легендах и сказках волчица является прародительницей или спасительницей тюркского народа. Она символизирует свободу, отвагу, силу и преданность роду. Образ Небесного волка является священным для всех тюрков, а в сказках герои часто обладают «волчьим духом» или получают помощь от мистического волка в трудную минуту.

Эти тотемные образы в сказках тюркских народов не просто персонажи, а носители глубокого культурного и мифологического смысла, отражающие мировоззрение кочевников и их тесную связь с природой.

Таким образом, хотя прямое упоминание слова «тотем» в древнетюркских текстах отсутствует, образы животных в контексте мифологии, ритуалов и военных походов, отраженные в Орхоно-Енисейских надписях и «Ирк Битиг», являются убедительными доказательствами существования тотемических верований. Убедительным примером значения животных в мифологическом восприятии тюрко-монгольских кочевников являются имена правителей, хотя к периоду Золотой Орды постепенно терявших свое былое сакральное значение. Так, например, Ирбис-Ышбара, каган Западно-тюркского каганата, был так назван в честь барса. В честь этого хищника был назван и Барсбек-каган, правитель Кыргызского каганата. Интересно, что одно из самых популярных имен среди правителей тюркских государств было Арслан-каган, в честь льва, грозного хищника.

Заключение

Культы животных появились не случайно, а как одна из попыток древних людей лучше понять окружающий мир. Свойства и характер животных довольно легко переносились на людей и наоборот, когда многие животные очеловечивались и входили в пантеон мифических существ и животных. Тюркское, а позднее и другие общества средневековых кочевников уже стояли на высокой ступени развития человеческого общества, что обусловило отсутствие табу на убийство отдельных видов животных, хотя они и продолжали почитаться в повседневной кочевой среде. Этот парадокс сформировался в результате сложных отношений, и, хотя многие из хищников в повседневной жизни были признаны вредителями, тем не менее вошедшие в фольклор, они надолго оказались связаны с духовной культурой кочевников с ее крайней формой зависимости от природных катаклизмов. В свою очередь, эти животные сами стали символом своей природной сущности и примерами того, что роднит и объединяет жизнь кочевника с окружающим его миром.

На сегодня тотемы потеряли свое былое ритуальное значение, но их образ через эпосы и сказки так или иначе сохранился в мировоззрении потомков народов Евразии и продолжает бытовать на уровне поговорок и пословиц, что говорит о глубокой связи кочевников с природой на ментальном уровне. Их исследование способствует улучшению понимания духовной культуры кочевников древности и средневековья. Этот фактор остается одним из главных для понимания многих этнографических явлений, примет или процессов у наследников кочевой культуры, в том числе и казахов.

Тотемы отражают не только определенный исторический этап в жизни континента, но и отражают все духовное наследие шаманизма, тенгрианства, ислама и других мировых религий, бытовавших в разное время на территории кочевого ареала Великой Степи.

Источник

АИА РАН – Архив Института археологии Российской Академии наук (г. Москва)

Source

AIA RAS – Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

References

- Azhigali, 2014 – *Azhigali S. E. Pamyatniki Mankystau i Ustyurta: kniga-al'bom* [Monuments of Mangystau and Ustyurt: book-album]. Almaty: Oner, 2014. — 504 p.
- Badmaev, 2023 – *Badmaev A. A. Obraz sobaki v traditsionnom mirovozzrenii i rituale buryat* [The image of a dog in the traditional worldview and ritual of the Buryats]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. 2023. № 49. P. 30–43.
- Burykin i dr., 2019 – *Burykin A. A., Boldyreva I. M., Muzraeva D. N. Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol'klore* [Dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2019. № 4. P. 119–132.
- Butanaev, 1996 – *Butanaev V. Ya. Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov: posobie dlya uchiteley* [Traditional culture and life of the Khakass: a handbook for teachers]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996. 224 p.
- Galkin, 1976 – *Galkin L. L. Skhema steklyannogo medal'ona s poseleniya Ak-Tobe. XIV v.* [Diagram of a glass medallion from the settlement of Ak-Tobe. 14th century]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1976. № 4. P. 253.
- Istoriya tatar, 2009 – *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v 7 t.* [History of the Tatars since ancient times: in 7 vols.]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2009. T. III: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) [Vol. III: Ulus of Jochi (Golden Horde)]. 1056 p.
- Karutts, 2023 – *Karutts R. Sredi kazakhov i turkmen* [Among the Kazakhs and Turkmen]. Almaty: Amalbooks, 2023. 228 p.
- Korablev, 2023 – *Korablev A. A. Analiz material'noy kul'tury zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe: problemy i perspektivy* [Analysis of the material culture of the Golden Horde settlement of Aktobe: problems and prospects]. *Vzaimodeystvie urbanizatsii i nomadizma v Zolotoy Orde i ego istoriko-kul'turnoe znachenie : sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Interaction of urbanization and nomadism in the Golden Horde and its historical and cultural significance: proceedings of the international scientific and practical conference]. Almaty, 2023. P. 50.
- Miyagasheva, 2020 – *Miyagasheva S. B. Sobaka v ritualakh klyatvoprinosheniya mongol'skikh narodov* [Dog in the oath-taking rituals of the Mongolian peoples]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 4 (40). P. 232–234.
- Petrov, Bugarchev, 2016 – *Petrov P. N., Bugarchev A. I. O bulgarskom dirkheme s izobrazheniem zmeya* [On a Bulgar dirham depicting a snake]. *Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy XIII Faizkhanovskikh chteniy* [The heritage of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: proceedings of the XIII Faizkhanov Readings]. Moskva–Nizhniy Novgorod: «Medina», 2016. P. 157–162.
- Potapov, 1991 – *Potapov L. P. Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: «Nauka». Leningr. otd-nie, 1991. 320 p.
- Radlov, 1870 – *Radlov V. V. Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarii: v 10 t.* [Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungaria: in 10 vols.]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1870. 800 p.

Литература

- Ажигали, 2014 – *Ажигали С. Е. Памятники Манкыстау и Устюрта: книга-альбом*. Алматы: Онер, 2014. 504 с.
- Бадмаев, 2023 – *Бадмаев А. А. Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят* // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43.
- Бурыкин и др., 2019 – *Бурыкин А. А., Болдырева И. М., Музраева Д. Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре* // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 119–132.

- Бутанаев, 1996 – *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. — Абакан: Хакаское книжное издательство, 1996. – 224 с.
- Галкин, 1976 – *Галкин Л. Л.* Схема стеклянного медальона с поселения Ак-Тобе. XIV в. // Советская археология. 1976. № 4. С. 253.
- История татар, 2009 – История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). 1056 с.
- Карутц, 2023 – *Карутц Р.* Среди казахов и туркмен. Алматы: Amalbooks, 2023. 228 с.
- Кораблев, 2023 – *Кораблев А. А.* Анализ материальной культуры золотоордынского городища Актобе: проблемы и перспективы // Взаимодействие урбанизации и номадизма в Золотой Орде и его историко-культурное значение: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2023. С. 50.
- Миягашева, 2020 – *Миягашева С. Б.* Собака в ритуалах клятвopиновения монгольских народов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 4 (40). С. 232–234.
- Петров, Бугарчев, 2016 — *Петров П. Н., Бугарчев А. И.* О болгарском дирхеме с изображением змея // Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы XIII Фаизхановских чтений (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). М.–Ни́жний Новгород: «Медина», 2016. С. 157–162.
- Потапов, 1991 – *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. 320 с.
- Радлов, 1870 – *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарии: в 10 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. 800 с.